

**Ахмадиев А. Б.** – старший преподаватель кафедры кибербезопасности и информационных технологий Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова

## **ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И КРИМИНОГЕННЫХ РИСКОВ**

### **FINANCIAL PYRAMID SCHEMES AS A FACTOR OF SOCIAL DESTABILIZATION AND CRIMINOGENIC RISKS**

**Аннотация.** В статье рассматриваются финансовые пирамиды как устойчивый криминогенный феномен, оказывающий дестабилизирующее воздействие на социально-экономические процессы и уровень общественной безопасности. Анализируются механизмы вовлечения населения в пирамидальные схемы, их влияние на рост социальной напряженности, снижение доверия к институтам государства и формирование вторичных форм преступности. Особое внимание уделяется цифровой трансформации финансовых пирамид, расширившей их масштаб, латентность и трансграничный характер. Обосновывается необходимость комплексного подхода к противодействию данному явлению, включающего уголовно-правовые, профилактические и информационно-аналитические меры.

**Ключевые слова:** финансовые пирамиды, социальная дестабилизация, экономическая преступность, криминогенные риски, цифровая среда, профилактика преступлений.

**Abstract.** The article examines financial pyramids as a stable criminogenic phenomenon that has a destabilizing effect on socio-economic processes and the level of public safety. The mechanisms of the population's involvement in pyramid schemes, their impact on the growth of social tension, the decrease in trust in state institutions, and the formation of secondary forms of crime are analyzed. Special attention is paid to the digital transformation of financial pyramids, which has expanded their scale, latency, and cross-border nature. The article substantiates the need for a comprehensive approach to countering this phenomenon, which includes criminal law, preventive, and information and analytical measures.

**Keywords:** financial pyramids, social destabilization, economic crime, criminal risks, digital environment, crime prevention.

Финансовые пирамиды в течение длительного времени сохраняют устойчивое присутствие в структуре экономической преступности, после-

довательно приспособляясь к изменениям социально-экономической конъюнктуры и информационной среды. Практика показывает, что их общественная опасность не ограничивается фактом причинения имущественного вреда конкретным потерпевшим: массовый характер вовлечения, использование заемных средств и эффект «цепной реакции» в социальных связях приводят к более широким негативным последствиям. В числе таких последствий – снижение доверия к финансовым институтам и государственным механизмам защиты прав граждан, усиление правового нигилизма, а также формирование у населения устойчивого ощущения правовой незащищенности. Цифровизация экономики и активное развитие социальных сетей дополнительно усложнили ситуацию: современные пирамидальные схемы все чаще маскируются под легальные инвестиционные продукты, используют онлайн-платформы и мессенджеры, что повышает их латентность, ускоряет масштабирование и затрудняет своевременное выявление и доказывание противоправной деятельности.

Социальная опасность пирамидальных схем во многом определяется тем, что они воздействуют на широкие слои населения, включая социально уязвимые группы, и формируют у граждан психологически привлекательную иллюзию «быстрого и гарантированного дохода». На ранних стадиях организаторы поддерживают доверие демонстративными выплатами, псевдоотчетностью и активным информационным сопровождением, вследствие чего участие воспринимается как допустимый инвестиционный риск, а не как заведомо сомнительная модель. Когда же схема прекращает существование, массовые потери средств превращаются в источник социальной фрустрации, рост конфликтности в семьях и коллективах, а в отдельных случаях – в публичное недовольство и протестные настроения. По этой причине финансовые пирамиды следует оценивать не только как форму экономической преступности, но и как фактор социальной дестабилизации, способный порождать вторичные криминогенные риски и подрывать основы общественного доверия и правопорядка.

С криминологической точки зрения финансовые пирамиды обоснованно рассматриваются как специфическая форма организованной экономической преступности, в основе которой лежит целенаправленное перераспределение денежных средств между участниками без осуществления реальной инвестиционной, производственной либо иной экономической деятельности. В отличие от легальных финансовых инструментов, доходность в таких схемах формируется исключительно за счет притока средств новых участников, что предопределяет неизбежность их краха и массовый характер причиняемого ущерба. Правоприменительная практика показывает, что устойчивость пирамидальных структур обеспечивается заранее выстроенной иерархией ролей, распределением функций между организаторами, координаторами и активными вовлечателями, а также использованием элементов сетевого маркетинга, что придает данным преступлениям признаки организованности и системности.

Функционирование финансовых пирамид неизбежно сопровождается систематическим введением граждан в заблуждение относительно реальных источников дохода и финансовой устойчивости проекта. Достигается это за счет намеренного искажения информации, подмены экономических понятий, демонстрации фиктивной отчетности и апелляции к якобы «инновационным» или «социально ориентированным» моделям деятельности. С точки зрения практикующего юриста важно отметить, что данное заблуждение носит не случайный, а управляемый характер: оно формируется и поддерживается на протяжении всего жизненного цикла схемы и направлено на минимизацию критического восприятия информации со стороны участников. В результате значительная часть потерпевших длительное время не осознает противоправный характер происходящего, что способствует латентности преступления, затрудняет своевременное обращение в правоохранительные органы и осложняет процесс доказывания по уголовным делам данной категории [1].

Криминогенный потенциал финансовых пирамид носит комплексный характер и проявляется не только в факте причинения имущественного ущерба, но и в воспроизводстве целого ряда негативных явлений, влияющих на состояние правопорядка. Во-первых, пирамидальные схемы объективно повышают уровень латентности экономической преступности: значительная часть участников длительное время не обращается в правоохранительные органы, поскольку сохраняет надежду на возобновление выплат, опасается признать собственную ошибку либо находится под воздействием организаторов, которые используют аргументы о «временных трудностях», «технических сбоях» и «проверках». В практическом плане это означает, что правоохранительные органы получают массив заявлений уже на стадии массового обрушения схемы, когда активы выведены, цифровые следы частично утрачены, а круг причастных лиц требует установления в условиях дефицита доказательственной информации. Во-вторых, крах пирамид нередко запускает цепочку вторичной криминализации: потерпевшие пытаются компенсировать убытки через сомнительные заимствования, незаконное кредитование, расписки под завышенные проценты; возникают конфликты между вкладчиками и «вовлекателями», включая родственников и коллег, что может трансформироваться в угрозы, вымогательство и иные противоправные действия. С точки зрения юриста важно подчеркнуть, что таким образом финансовая пирамида выступает «триггером» последующих правонарушений, формируя криминогенную среду вокруг себя.

Отдельного внимания заслуживает деформирующее влияние участия в финансовых пирамидах на экономическое и правовое поведение граждан. Массовое распространение установок на «быстрый доход без труда» подменяет ценности законной предпринимательской деятельности и профессиональной самореализации ожиданием пассивной прибыли, что в дол-

госрочной перспективе снижает общий уровень финансовой дисциплины и правовой культуры. В социальном измерении последствия проявляются в утрате доверия к финансовой системе и государственным механизмам контроля и защиты прав граждан. Когда значительные группы населения теряют сбережения, это воспринимается не только как частная неудача, но и как свидетельство недостаточной эффективности регулирования и профилактики, что усиливает социальную напряженность. В подобных условиях особенно быстро распространяются конспирологические объяснения, недоверие к официальной информации и обвинительная риторика в адрес институтов государства, что повышает конфликтность в обществе и усложняет профилактическую работу. Именно поэтому финансовые пирамиды следует оценивать не только как форму экономической преступности, но и как фактор социальной дестабилизации, способный подрывать доверие к правопорядку и провоцировать вторичные криминогенные риски [2].

Наибольшую социальную опасность представляют случаи, когда вовлечение в пирамидальные схемы происходит не индивидуально, а через устойчивые социальные группы – семьи, трудовые коллективы, профессиональные сообщества. В юридической практике это проявляется тем, что финансовые решения одного участника фактически перерастают в коллективный риск: используются общие семейные накопления, оформляются кредиты под поручительство близких лиц, берутся займы у коллег, а нередко и вовлекаются новые участники «по доверительным связям». В результате имущественный ущерб перестает быть частным эпизодом и начинает затрагивать экономическое положение нескольких лиц одновременно, что закономерно усиливает конфликтность на микросоциальном уровне. Возникают претензии между родственниками и коллегами, формируются долговые споры, разрушается доверие внутри групп, а отдельные конфликты переходят в плоскость правовых разбирательств. В ряде ситуаций последствия приобретают более широкий, региональный характер: массовые потери населения снижают платежеспособность, повышают кредитную нагрузку домохозяйств, отражаются на локальных потребительских рынках и трудовой мобильности, что в совокупности усиливает социальное напряжение и подрывает устойчивость отдельных территориальных сообществ.

Именно по этой причине финансовые пирамиды следует квалифицировать не только как источник имущественного вреда, но и как фактор кумулятивного деструктивного воздействия на социальную устойчивость и общественную безопасность. Их вред накапливается «волновым эффектом»: первичный ущерб (утрата денег) порождает вторичные последствия (долги, конфликты, снижение доверия к институтам), которые закрепляются в поведении и установках значительных групп населения. Современный этап развития пирамидальных схем дополнительно усложняет ситуацию,

поскольку организаторы активно используют цифровую инфраструктуру. Социальные сети и мессенджеры обеспечивают быстрый охват аудитории и постоянное информационное сопровождение, онлайн-платформы и псевдоинвестиционные приложения создают у участников ощущение легальности и «технологической надежности», а риторика о криптовалютах, алгоритмах и цифровых активах позволяет замаскировать отсутствие реальной экономической деятельности. При этом рекламные механизмы инфлюенсер-маркетинга и «лидеров мнений» снижают критичность восприятия информации, поскольку доверие переносится с содержания предложения на авторитет источника. В практическом плане это означает рост латентности, ускорение масштабирования и повышение сложности выявления организаторов и фиксации доказательственной базы, что требует от правоохранительных органов и профилактических субъектов более оперативных и технологически оснащенных мер реагирования [3].

Цифровая трансформация пирамидальных схем объективно изменила условия совершения и раскрытия преступлений данной категории. Если ранее деятельность пирамид была в большей степени привязана к конкретной территории и физическим офисам, то в современной практике значительная часть операций, коммуникаций и вовлечения осуществляется дистанционно, через онлайн-площадки и мессенджеры. Это размывает территориальные границы преступной активности и позволяет организаторам действовать одновременно в нескольких регионах либо за пределами государства, оставаясь недостижимыми для оперативного реагирования на местном уровне. Одновременно усложняется идентификация фактических организаторов, поскольку публичный «фасад» проекта часто представлен номинальными лицами, а ключевые решения принимаются через распределенную сеть координаторов и цифровые каналы связи. Существенные трудности возникают и на стадии доказывания: цифровое общение носит фрагментарный характер, сведения быстро удаляются, используются закрытые чаты, временные аккаунты и подменные номера, а установление устойчивых преступных связей требует системной цифровой фиксации и верификации данных.

Дополнительный криминогенный эффект создает использование анонимизированных платежных инструментов и трансграничных переводов. Практика показывает, что денежные потоки дробятся, многократно «прогоняются» через цепочки счетов, электронные кошельки и обменные операции, а также переводятся в иные финансовые инструменты, что усиливает латентность и затрудняет последующее взыскание и возмещение ущерба. В результате цифровизация пирамидальных схем формирует качественно новые риски: повышается скорость вовлечения, масштаб ущерба и сложность финансово-аналитической реконструкции событий. Это требует развития современных аналитических инструментов, включая мониторинг цифровых следов, риск-скрининг по совокупности признаков, работу с открытыми источниками и цифровой криминалистикой, а также

устойчивого межведомственного взаимодействия (правоохранительные органы, финансовый регулятор, операторы связи, платежные организации) в пределах правовых процедур.

Эффективное противодействие финансовым пирамидам в таких условиях возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем уголовно-правовые, организационно-управленческие и профилактические меры. Уголовно-правовой блок обеспечивает запрет и ответственность, однако он, как правило, вступает в действие уже после формирования значительного массива потерпевших и причинения крупного ущерба. Поэтому ключевое значение приобретает раннее выявление признаков пирамидальной активности, основанное на анализе типичных маркетинговых стратегий (обещания гарантированной доходности, бонусы за привлечение, давление срочности), финансовых потоков (аномальные транзакционные модели, дробление платежей, массовые переводы на однотипные реквизиты) и цифровых коммуникаций (активность в соцсетях, закрытые чаты, единые скрипты убеждения, использование «лидеров мнений»). Организационные меры включают регламентированный обмен информацией, алгоритмы первичной проверки, оперативное ограничение незаконного продвижения и фиксацию цифровых следов на ранней стадии. Профилактический компонент должен быть адресным и технологически адаптированным: граждан необходимо обучать распознавать признаки пирамид не абстрактно, а через реальные сценарии и типовые модели вовлечения, формируя устойчивую привычку правовой и финансовой осторожности в цифровой среде [4].

Повышение финансовой и правовой грамотности населения следует рассматривать как самостоятельное и стратегически важное направление профилактики, поскольку именно виктимологические особенности поведения граждан во многом определяют воспроизводство пирамидальных схем. При этом речь должна идти не о формальном информировании по принципу «перечня признаков», а о формировании устойчивых навыков критической оценки инвестиционных предложений: умения сопоставлять обещаемую доходность с экономической реальностью, проверять правовой статус субъекта, анализировать источники выплат и распознавать манипулятивные модели вовлечения. С позиции практикующего юриста важно подчеркнуть, что значительная часть потерпевших принимает решение на эмоциональной основе – под влиянием доверительных рекомендаций, авторитетов в социальных сетях, эффекта «коллективного участия» и психологического давления срочности. Следовательно, профилактика должна быть адресной и прикладной: через разбор типовых сценариев, примеров из практики, кратких алгоритмов проверки и объяснение правовых последствий участия. В цифровой среде это неизбежно требует активного присутствия государства и правоохранительных органов на тех площадках, где формируется массовое мнение и где происходит вовлечение: в социальных сетях, мессенджерах и на онлайн-платформах. Такое присутствие должно быть не эпизодическим, а системным – с оперативным опроверже-

нием недостоверной информации, разъяснением механизмов защиты, публикацией предупреждений и поддержанием каналов обратной связи для своевременного реагирования на новые схемы.

В целом финансовые пирамиды целесообразно квалифицировать не только как разновидность экономической преступности, но и как фактор социальной дестабилизации, поскольку их последствия выходят за пределы индивидуального имущественного вреда. Массовые потери сбережений подрывают социальную устойчивость, формируют устойчивое недоверие к финансовым институтам и государственным механизмам защиты, деформируют экономическую культуру и провоцируют рост конфликтности в микросоциальной среде. Цифровизация пирамидальных схем усиливает их опасность: расширяется охват аудитории, ускоряется темп вовлечения, повышается латентность финансовых потоков и усложняется доказывание, что объективно затрудняет своевременное пресечение противоправной деятельности. В этих условиях приоритетное значение приобретает комплексная стратегия профилактики, опирающаяся на три взаимосвязанных элемента: раннее выявление по совокупности цифровых и финансовых маркеров, своевременное правовое реагирование в рамках установленной компетенции и формирование устойчивого «социального иммунитета» – способности граждан распознавать риски, критически оценивать инвестиционные предложения и отказываться от участия в схемах, построенных на манипуляции и заведомо нереалистичных обещаниях.

### **Библиографический список**

1. Атабаев Ж. Т., Аубакирова Ф. М., Сагындыкова Р. Е. Қазақстан экономикасының инновациялық дамуындағы инвестициялық – институционалдық фактор // KazEU Khabarshysy/ Vestnik KazEU. 2016. Vol. 113. Issue 6. P. 124–133.

2. Сачков А. Н. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества : признаки преступного деяния // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1.

3. Akhmediyev A., Balgozhina M. Corruption component of the signs of an act established by article 217 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan // «Ғылым-Наука», ҚРІІМШ. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы. 2022. № 2 (73). С. 96–102б.

4. Akhmediyev A., Balgozhina M., Tokubayev K. Study of the Mechanism for the Implementation of Crimes Related to Pyramid Schemes and Methods of Their Prevention // Interdisciplinary Economics and Law. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 231–244. URL: <https://hrcak.srce.hr/313132> (дата обращения: 18.03.2026).

© Ахмадиев А. Б., 2026